

Церковь и Советская власть в 20-40-е годы XX века: проблемы взаимоотношений

Взаимоотношения Советской власти с Русской Православной Церковью на протяжении 20-40-х гг. XX века были достаточно противоречивы и во многом определялись складывающейся экономической и политической обстановкой. Уступки Церкви и ее служителям носили временный характер и определялись степенью полезности деятельности Церкви в обществе.

Ключевые слова: Советская власть, исполком, комиссия по переучету и изъятию церковного имущества, Церковь, религиозная организация, церковное имущество.

Обозначенный период условно можно разделить на два этапа, характеризующихся своими особенностями и чертами: 1) 20-30-е годы, 2) годы Великой Отечественной войны.

Период 20-30-х гг. XX века ознаменовался наступательной политикой Советской власти в отношении РПЦ и религиозных организаций различного толка. При этом необходимо выделить одну достаточно существенную особенность – мероприятия против Церкви, проводимые органами местной власти, порой превосходили по своей жестокости требования региональных и центральных органов.

Так, в инструкции Исполкома Самарского губернского Совета РК и солдатских Депутатов от 1922 г. отмечалось, что «Комиссии по переучету и изъятию церковного имущества должны отчетливо осознать всю важность порученной им работы, а также крайнюю необходимость наряду с твердостью проявлять неизменный такт, тщательно остерегаясь задеть неосмотрительными действиями или выражениями религиозные чувства верующих» [1].

Однако в действительности все происходило иначе.

Так, в августе 1928 года было принято решение о закрытии церкви в г. Абдулино, несмотря на то, что по спискам религиозная община церкви насчитывала 2400 человек (95% из них были рабочими), а сама церковь была построена на пожертвования населения

города и окружающих сел. Вместо церкви предполагалось создание клуба. Как было встречено это известие жителями города?

Поведение населения в тот момент отличалось дуализмом. На проводимых собраниях абсолютное большинство участников, боясь репрессий, высказывалось за закрытие церкви. Ситуация менялась кардинально, когда жители беседовали между собой.

По мнению надзорных структур, среди отдельных рабочих, активных сторонников религии, было отмечено не только недовольство, но и угрозы в адрес власти, если церковь будет использована под клуб.

Вот отдельные высказывания: « У нас отбирают церковь... Пусть отбирают, этим власть заставляет нас взять оружие и пойти войной. Они себе только хуже делают» / рабочий депо ст. Абдулино Ф. Н. Петряков, певчий церкви /; «Это, что за порядки. Разве это при Советской власти допустимо. Если был бы Ленин, этого бы не было. Все делает только местная власть, а в центре их действий не знают. Засели у власти только коммунисты, ну и делают так, как им заблагорассудится» / рабочий-инвалид труда Панков, председатель церковного совета/ [2]. Церковь все-таки была закрыта.

Работа властей по закрытию церквей продолжалась и в других территориях будущей Оренбургской области. Так, в Бугурусланском округе в 1929 году было закрыто 20 церквей, 2 молитвенных дома и 18 мечетей [3]. В 1930 году дополнительно было закрыто еще 6 церквей и 4 мечети [3].

Закрытие церквей, даже по мнению вышестоящих органов Советской власти, сопровождалось актами беззакония. Вс. Петровка Абдулинского района члены местной ячейки ВЛКСМ договорились между собой «закрыть сельскую церковь». Вопрос о закрытии с населением не прорабатывался. «Пользуясь случаем изъятия попа и прибытием в село нового лица (попа) ячейка нашла это исходным пунктом и немедленно собрала собрание, на котором постановили:

1) ввиду того, что прибывший поп совершил службу в церкви без ведома местной власти, считать действия попа контрреволюционными и оштрафовать его на 25 рублей. Священнику предложить, как контрреволюционному элементу, из села немедленно удалиться, а церковь закрыть.

2) церковного старосту за приглашение священника и за несогласование этого вопроса с местной властью подвергнуть штрафу на 10 рублей» [4].

Население, узнав об этом решении, стало активно протестовать и не допустило закрытия церкви.

В с. Полибино Бугурусланского округа местный сельсовет и актив своим решением закрыли местную церковь и распродали все церковное имущество. «Вопрос о закрытии церкви не был согласован ни с населением, ни с вышестоящими инстанциями. Религиозное население, возмущенное такими действиями сельского совета, возбудило ходатайство о незаконном закрытии перед ВЦИКом и последний своим постановлением просьбу верующих удовлетворил. Наличием такого решения сельский совет и беднота среди населения себя дискредитировали и наоборот сделали большой толчок к возбуждению религиозности среди населения».

Сельсовет и актив с. Брянчаниновка Асекеевского района, не считаясь с мнением населения, постановили закрыть местную церковь – «в результате чего среди населения и особенно женщин создали возмущение, которые дважды организованным порядком подошли к сельсовету с протестом и закрытия не допустили» [4].

Нужно заметить, что если к закрытию церквей население относилось с недовольством, то изъятие церковных ценностей в период голода встречало с пониманием.

В Оренбурге изъятие церковных ценностей прошло безболезненно. В докладе Оренгубпомгола за 1922 год говорится, что население города отнеслось к этому процессу «сочувственно». Всего по городу «церковных ценностей (золота, серебра и драгоценных камней) изъято 79 п. 36 ф. 68 зол., которые отправлены в Москву» [5].

По уездам церковных ценностей изъято 38 п. 18 ф. 50 зол., которые были также отосланы в столицу. «Кроме того, в центр отправлены без веса 7 митр и 10 риз с икон, вышитых из материи. На церковные ценности центром кое-что уже закуплено; пока получены из центра 15 вагонов ржаной муки, которая распределена по губернии в июне...» [5].

Несмотря на сопротивление населения, процесс закрытия церквей продолжался. В г. Оренбурге насчитывалось 51 помещение, принадлежащее религиозным организациям, на 15 октября 1930 г. было закрыто 21.

Имеющиеся перегибы в работе по закрытию церквей заставили руководство Средне-Волжского края (в который входила в данный период территория будущей Оренбургской области) направить спе-

циальное циркулярное письмо с требованием «Не допускать самочинных захватов молитвенных зданий, в каждом отдельном случае разъяснить населению о необходимости ходатайствовать по соответствующим инстанциям об удовлетворении их просьбы» [6].

Анализ документов тех лет позволил сделать вывод о том, что подобные «циркуляры» были продиктованы страхом перед возможной негативной реакцией народа, в том числе представителей рабочих и крестьян.

Тем не менее практика изъятия церковного имущества продолжалась и носила повсеместный характер.

В протоколе заседания Оренбургского городского комитета ВКП(б) от 29 июня 1931 г. было отмечено:

1. Форсировать разбор изъятых церквей;
2. Поручить фракции Президиума Горсовета провести дальнейшую работу по изъятию оставшихся церквей;
3. Обязать фракцию Президиума Горсовета обеспечить помещением антирелигиозный музей;
4. Вследствие изъятия церквей и обнаружения большого количества книг, поручить Культпропу создать комиссию по отбору исторических книг, сдать их в музей, все остальные книги по разрешению Края передать Госторгу;
5. Поручить фракции Горсовета рассмотреть вопрос о разборе собора в этом году» [7].

Таким образом, работа по закрытию церквей и других культовых сооружений носила массовый и планомерный характер. В результате подобных действий абсолютное большинство церквей, молитвенных домов, мечетей было закрыто. Правда, как показали события периода ВОВ, население Оренбургской (Чкаловской) области все же смогло сохранить свои религиозные убеждения.

Определенное «потепление» во взаимоотношениях государства и Церкви произошло в годы Великой Отечественной войны. Однако подобное улучшение вовсе не означало смену парадигмы поведения государственных структур. Скорее речь шла о смене методов работы с РПЦ. Сама обстановка в стране, тяжелая ситуация на фронте заставляли власти маневрировать и «заигрывать» с Церковью.

Сразу после известия о начале войны, митрополит Сергей, Патриарший местоблюститель, написал «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором говорил: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Повторя-

ются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона». И далее: «с Божьей помощью и на сей раз он (русский народ) развеет в прах фашистскую силу».

Идеи, изложенные в Послании, были подхвачены руководителями страны (особенно тезис «патриотического единения граждан» для отпора врагу).

Гонения на Церковь с началом войны в целом прекратились, хотя встречались отдельные рецидивы, как в стране в целом, так и в нашем регионе.

Так, в марте 1942 года, воинская часть, находящаяся в Черно-реченском сельсовете, произвела полное уничтожение и хищение церковного оборудования (исчезли алтарь, иконы, одежда церковных служителей, церковные книги и прочее оборудование церкви), была разрушена лестница на колокольню, часть внутренних стен и часть железной крыши. Сама церковь превращена в конюшню для лошадей.

Производилось уничтожение оборудования церкви без ведома сельсовета и без разрешения районных организаций. Церковь официально не была закрыта, но и служение в ней не проводилось [8]. К сожалению, такие факты были не единичными.

Несмотря на стремление Церкви внести свою лепту в борьбу с фашизмом, местные власти по-прежнему относились к ней если не непримиримо, то точно настороженно.

Из докладной зам. начальника УНКГБ по Чкаловской области от 24 января 1944 г. секретарю Чкаловского обкома ВКП(б) о богослужениях РПЦ, проводимых в г. Чкалове: «В г. Чкалове проживает значительное число служителей религиозного культа, бывших монашек закрытого в 1932 г. женского монастыря и активистов религиозного православного вероисповедания.

В настоящее время в связи с избранием патриарха и Синода, значительно активизировалась деятельность церковников, направленная на организацию сборищ – молений, создана инициативная группа по вопросу открытия церкви.

Проживающие здесь служители религиозного культа – священники – ходят по домам верующих, совершают разные требы и богослужения, на которых присутствует значительное число верующих» [8].

И все же, в годы ВОВ в Чкаловской области было открыто 20 церквей и молитвенных домов. Учетный доход всех церквей

II Научные труды

составил 8 млн. рублей, штат служителей действующих церквей составил 86 человек, не считая певчих, регентов, старост [9].

Взаимоотношения Церкви и Советской власти вновь поменялись после окончания ВОВ, когда необходимость в объединении всех сил отпала. Так, уже к началу 1952 г. действовало только 12 церквей.

Таким образом, в описываемый период отношение действующей власти к Церкви определялось знаменитыми словами К. Маркса: «Религия – опиум для народа». В силу определенных причин Советская власть могла идти на некоторые уступки для служителей, да и самой Церкви. Подобные «послабления» носили временный характер и завершались сразу после того, как надобность в услугах Церкви исчезала.

Литература

1. ОГАСПИ. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 196. Л. 10-12
2. ОГАСПИ. Ф. 1258. Оп. 2. Д. 321. Л. 35
3. ОГАСПИ. Ф. 1258. Оп. 2. Д. 335. Л. 382
4. ОГАСПИ. Ф. 267. Оп. 1. Д. 126. Л. 62-64
5. Доклад Оренгубпомгола, 1922, с. 7
6. ОГАСПИ. Ф. 1258. Оп. 2. Д. 184. Л. 31
7. ОГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 30. Л. 98-99. Подлинник
8. ОГАСПИ. Ф. 1557. Оп. 1. Д. 116. Л. 19
9. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 11. Д. 796. Л. 1

V. A. Labuzov

Church and Soviet power in the 20-40s of the 20th century: problems of relations

The relations between the Soviet authorities and the Russian Orthodox Church during the 20-40s of the 20th century were quite contradictory and were largely determined by the current economic and political situation. Concessions to the Church and its clergymen were temporary and determined by the degree of usefulness of the Church's activities in society.

Key words: the Soviet power, Executive Committee, Commission on re-registration and withdrawal of Church property, Church, religious organization, Church property.

References

1. Orenburg state archive of social and political history. 1254. Op. 1. D. 196. L. 10-12
2. Orenburg state archive of social and political history. F. 1258. Op. 2. D. 321. L. 35
3. Orenburg state archive of social and political history. F. 1258. Op. 2. D. 335. L. 382
4. Orenburg state archive of social and political history. 267. Op. 1. D. 126. L. 62-64
5. The report Oregovomab, 1922, p. 7
6. Orenburg state archive of social and political history. F. 1258. Op. 2. D. 184. L. 31
7. Orenburg state archive of social and political history. 372. Op. 1. D. 30. L. 98-99. Original
8. Orenburg state archive of social and political history. 1557. Op. 1. D. 116. L. 19
9. Orenburg state archive of social and political history. 371. Op. 11. D. 796. L. 1